

Х Р О Н И К А

КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная 95-летию со дня рождения
Владислава Ходасевича
(1886-1939)

Имя Владислава Ходасевича, поэта, мемуариста, историка литературы, критика и переводчика было нашей официальной культурой предано забвению^{х)}. По замечанию Н.Н.Берберовой, жены Ходасевича, его имя упоминается только в подстрочных примечаниях. Причина замалчивания: последние годы своей жизни он провел в эмиграции, в Париже, где и умер в 1939 году. Это умолчание подразумевает тезис о том, что отечественная литература невозможна в отрыве от отечественной почвы, — тезис, сейчас более чем когда-либо требующий осторожного и всестороннего рассмотрения. Запрет, наложенный на Ходасевича, был гораздо строже запрета, наложенного на его ровесника Гумилева. Это объясняется по-видимому тем, что Гумилев как поэт и личность был более удобен для тех, кто мыслил в вульгарных схемах "кланового искусства". Ходасевич же выступил как последовательный защитник и хранитель культуры, и его непреклонность больно задела многих современников, тяготевших к конформизму. Не только стихи, не только Пушкинская речь 1921 года, но и мемуары и памфлеты Ходасевича 20-х и 30-х годов выглядят в наши дни пророческими и многими воспринимаются как откровение. С другой стороны, в последние годы все отчетливее стала заявлять о себе классицистическая струя в русской поэзии — этим объясняется возрождение интереса к стихам Ходасевича, наблюдаемое как в официальном, так и в неофициальном пластах нашей литературы. Выражением этого интереса и явилась конференция, приуроченная к 95-летию Ходасевича, которая состоялась в Ленинграде, 30 мая 1981 года. На ней присутствовало более тридцати человек, в том числе: Е.Лунаевская, О.Оханизин, Л.Степанова, В.Иванов, С.Вовина, Е.Игнатова, Е.Дорофеева, В.Берлин, А.Вогатырев, Г.Рабинович, Т.Костина, Э.Виняверман, А.Танков, П.Беспровозванная, О.Беденковская, С.Коровин, И.Мартынов, В.Колкер, В.Лихтенфельд, М.Костоломов,

х) Доказательством этому является антология "Русская поэзия начала XX века /октябрьский период/", составитель Евг.Осетров, вышедшая в серии БВЛ, где наряду с такими откровенно посредственными поэтами, как Петр Потемкин, представлены и вовсе неизвестны /А.Гимрив, Ф.Бкулев, А.Благов, А.Гастев, Самодитник и др./ и даже неизвестные авторы /эпиграммы/, а Ходасевич, один из центральных поэтов эпохи, стихами которого восхищались М.Горький, А.

В.Останин, А.Бергер, Е.Пудовкина, С.Стратановский. Было заслушано четыре доклада:

1. Юрий Колкер. Аддесская прохлада /очерк жизни и творчества Владислава Ходасевича/. - Доклад был построен на материалах статьи В.Колкера того же названия, помещенной в 1930 журнала "Часы". В обсуждении, протекавшем в ходе доклада, приняли участие О.Оханизин, М.Костоломов, Е.Мартынов и другие участники.
2. Анатолий Бергер. Несколько слов о Ходасевиче. - Текст доклада приведен ниже.
3. Михаил Костоломов (Без названия). - К сожалению, редакция не располагает текстом или хотя бы тезисами этого сообщения-экспромта, посвященного магистральным моментам творчества Ходасевича.
4. Юрий Колкер. Пессимизм и гуманность. - Текст доклада приведен ниже.

Внимание к докладчикам и общий тон воодушевления, сопутствовавшие конференции, которая собрала столь различных по своим литературным пристрастиям представителей официальной и неофициальной культуры, позволяет надеяться, что литературное наследие Ходасевича вернется в полном своем значении к русскому читателю.

В.К.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ХОДАСЕВИЧЕ

Незадолго до смерти Е. Пастернак в разговоре с одним иностранцем сказал, что не любит стихов. Да, тому, кто создал высшую поэзию, не до стихов. И, войдя в себя мир Владислава Ходасевича, забываешь о том, что это стихи, ибо это — высшая поэзия, то горнее пение, которое, к счастью, еще не умолкло для людей. Говорить об этом пении, наверное, невозможно, можно только слышать его и об этом слышании что-то высказать, как Бог на душу положит.

Что поражает с первых строк — правда, та правда, о которой в 1922 году сказал Андрей Белый: "Гембрандтова правда поэзии Ходасевича". ^{1/} Эта правда есть слияние внешней точности слова, пронзительного видения сути мира и нравственной чистоты поэта, хлебный которого взвешен на весах Божьих.

О, как чудно было Ходасевичу, истинно великому поэту, бравоирование своим даром, игра в "поэта". Недаром он писал: "Нередко бывает, что в повседневной жизни свое уродство, свой гений поэт старается скрыть. Так Пушкин его прикрывал маской игрока, плащом дуэлянта, патрицианской тогой аристократа, меццанским сюртуком литературного пельца. Обратно: бедность всегда старается выставить наружу свой мнимую необыкновенность, как симулянт-попрошайка выставляет наружу поддельные свои язвы". ^{2/}

Правда и чистота — главное в Ходасевиче и великий пример будущему, увы, почти неизвестный. Начав с античной грациозности русской классики первых книг, выходя в "Путем зерна" на жесткие пути современности, ощущая свой грозный пророческий хлебный в страшные годы русского перелома, поэт по-

1/ Имеется в виду статья А. Белого "Гембрандтова правда наших дней" (О стихах В. Ходасевича), альм. "Записки мечтателей", 1922, № 5 /здесь и далее прим. Д.К./

2/ Из речи Ходасевича "Колеблемый Треножник", прочитанной в Доме Литераторов 14 февраля 1921 года, на вечере, посвященном 84-ой годовщине смерти Пушкина.

не скажет: "Какется, в страдании пророков народ мистический каживает собственное свое страдание. Избавление пророка становится жертвенным актом, закланием. Оно долагает самую неразделимую связь между пророком и народом".

В "Путем зерна" ритм еще в поиске, промупливаются дорожки к своей единственной нотации, белая эпика нескольких стихов обещает, быть может, колокола поэм. Но в следующей книге, в "Тяжелой лире", уже весь Холасевич. Достоевская скороговорка "Перешагни, дерескочи" или "Из окна", громоподобное похихивание "Баллады", лирические тайны стихов о душе — то, что грезилося, быть может, Тютчеву, но не сказалось его словом. Это все, вероятно, в XXI веке откроется России, а мы сегодня бредем наугад, будто в ночном поле на дальний свет его звезды, слава Богу, негаснущей. Но эта благородная чистота линий, этот ямб, которому нет равных! Холасевич в 20-х годах пришел к тому, что с трупом далось Пастернаку в 40-50-х, на склоне лет.

"Европейская ночь" пронзает болью разлуки, горечью непоправимого; "Тяжелая лира" — глубиной, сквозь голошение скитальческих мытарств, одиночеством, которому нет альтернативы, да поэт ее и не ищет. Он и здесь опередил своих современников, поняв то, что им довелось понять почти предсмертно. И в "Тяжелой лире" и в "Европейской ночи" поэзия Холасевича приобретает мировое звучание. Этот воистину крестоносец духа стоит уже над всей землей с ее скорбями и страстями, и оттого еще пронзительней его пророчества:

Должно быть, на борьбу партий
В парламентах решится спор:
На европейской ветхой карте
Все вновь перечертит раздор.

Но на растущую всечасно
Лавину небывалых бед
Невозмутимо и бесстрастно
Глядят историк и поэт.

Любские войны и союзы,
Бывало славили они.
Разочарованные Музы
Припомнили им эти дни —

И ныне, гордые, составить
два правила велели впредь:
Раз: победителей не славить.
Два: побежденных не жалеть. 1/

Это написано в 20-х годах, в Европе, в той европейской ночи, в которой блуждал поэт.

В этих кратких словах я высказал лишь малую толику своей давней и неизменной любви к Ходасевичу. Сколько еще можно говорить о его дивной прозе, о великодушных, разящих и сметающих воспоминаниях, о мастерстве критического пера, о колдовстве проникновений в Державина, Пушкина! Так понять Есенина — до самой последней глубины, понять всю истину его души и зурьбы, так верно, четко и бесстрастно нарисовать Брессова, Горького, сказать правду о Маяковском!

Ходасевич принадлежит будущему, прошлое в полной мере не сумело оценить его. И счастью, он принадлежит и настоящему, и сегодняшняя встреча — тому подтверждение.

1/ Цитированы последние четыре (из шести) строф стихотворения "Сквозь облака фабричной гари...", написанного в 1923 году.

ПАССЕИЗМ И ГУМАНИЗМ

Пафос поэзии часто связывают с неблагозвучным словом новаторство. Новизна льстит и покупает и, чтобы добиться ее, поэт должен обладать смелостью. При этом новизна и смелость признаются не только первыми формальными свидетельствами таланта, патентом на благородство, но и художественными завоеваниями, эстетическими ценностями. Это, вообще говоря, не так. Смелость с равным успехом ведет к прекрасному и безобразному, новизна питается невежеством и часто иллюзорна. Вероятно, у каждого, кто любит и читает поэзию, был в жизни момент, когда проникновение в мир того или иного поэта преобразило для него вселенную, хаос превратило в космос, сообщило н о в о е, сущностное понимание предметному миру. Момент этот был в личности читателя. По мере накопления душевного, а затем и духовного опыта часто оказывалось, что новизна любимого поэта перестает восприниматься как таковая, и даже оборачивается своей противоположностью. Новаторство в области формы вдруг оказывалось ширмой безжизненного и архаичного содержания, смелое словоупотребление — кутурнами робкой мыслью. Зато многое из того, что было первоначально пропущено или отвергнуто, оказывалось жизнеспособным, необходимым и современным в свете того же, заново понятого, критерия новизны.

Облик Владислава Ходасевича дает прекрасный повод для подобного рода размышлений.

Смелость — сомнительное качество для поэта, новизна же органически присуща таланту, он без нее немислим. Но и талант, и новизна как его важная компонента, — всего лишь необходимое, но не достаточное условие катарсиса, поставляемого поэзией. Очищение достигается, если мы делаем шаг в сторону метафизического постижения мира, обновляя наш прежний взгляд и обновляясь сами в процессе этого постижения. Но тут возникает вопрос, точно ли новизна и новаторство — однокоренные слова? — Ответ можно поискать у рано повзрос-

левшего Владислава Ходасевича, самого последовательного противника новаторства среди поэтов XX века. Вот стихотворение, написанное в 1924 году:

Пока душа в порыве зном,
Ее безгрешно обнажи,
Бесстрашно вверх бодливым струнам
Ее святые матажи.

Будь нетерпим и ненавиден,
Провозглашая и трубя
Завоевание новых истин —
Они ведь новы для тебя.

Потом, когда в своем наитии
Разочаруешься слегка,
Воспой простое чаепитие,
Цыльцу на крыльях мотылька.

Твори продуманно и стройно,
Слова послушливые гни,
И мир, облуманный спокойно,
Благослови или прокляни.

А под конец узнай, как чулно
Все вдруг по-новому начать,
Как упоительно и тупо,
Привыкнув к слову, — замолчать.

Эпохность имеет право на обобщения и, пожалуй, даже неполющенна без них. Но право это проходит вместе с эпохностью. Зрелость требует от нас переосмысления опыта, дерзкой расстановки акцентов. Эта глубоко интимная и капризная в опечку переживаемая работа трансформировалась в общественную проблему нашей тревожной и беспримерной по своей эпохности эпохой. Будущее России и всего человечества, притом ближайшее будущее, сулит мрачные и непрелюбопытные перемены, и оно в чем-то зависит от нашего пристрастного участия. На нас лежит невеселая ответственность, требующая добросовестности и мужества. Одна из важнейших ее сторон — критический пересмотр объединяющего нас культурного наследия. К счастью, эта работа в России уже ведется, и мои слова —

- не признав, а простое установление факта.

Смена век в оценке культурных явлений протекает на фоне префигурного содержания усвоенных с детства терминов. Еще недавно слово прогресс было поводом для всеобщего воодушевления. Оно досталось нам в подарок от XIX века с его физиологическим атеизмом и историсофией. В переписке с Горьким в начале 20-х годов Ходасевич прямо заявил себя противником прогресса, т.е. пассанетом. Так же, но без обобщающей формулировки, отнеслась к прогрессу Цветаева. Оба поэта, провидчески, художническим инстинктом, угадали одну из чудовищных ловушек цивилизации: имея все внешние признаки конструктивности, прогресс деструктивен по своей природе. Сознание духовное он подменяет сознанием предметным. Смело сказать, но критика прогресса находится в русле одной из замечательных идей, действительно принадлежащих Карлу Марксу, - в русле идеи о фетишизме вещей. Покоряя природу, человек создает вещи, без которых уже не может обходиться - и через них, словно в отместку, природа поработачивает человека. Телефон облегчает нам жизнь, но и является знаком нашей несвободы. К сожалению, Маркс не сделал из своего наблюдения вывода о деструктивности в прогрессе, переложив эту задачу на плечи тех, кто и не думал называть себя мыслителями.

В период тесного сотрудничества Ходасевича с Горьким, сначала в Саарове, а затем в Соренто, выяснилось, что чуть ли не главным пунктом их размежевания является понимание значения прогресса. Горький считал, что всякое проявление человеческого духа способствует прогрессу. Эта аксиома, одна из основных в мировоззрении Горького, совершенно ошибочна и показывает лишь то, что под проявлением человеческого духа Горький понимал всякий без разбора творческий акт. В основе прогресса лежит творческое познание в его низшей форме - познание точных наук, способствующее развитию м а т е м а т и к и, а через них - нашей практической власти над природой, обществом и историей. Прогресс, взятый эмпирически на фоне последних двух столетий, оказывается тесно скоррелированным с распадом духовных ценностей. Он оказывается регрессом, если, следуя Вейцелю, ставить перед человечеством этические цели и понимать культуру как инстру-

мент духовного совершенствования личности. В нем и для
еретича европейца, посещающего христианский храм и знакомый
с теоремой Пифагора, несравненно менее духовен, чем тайланд-
ский крестьянин, буддист, не слышавший о теореме Пифагора.
Культура личностна, и потому индивидуалистична. Прогресс
направлен против личности, его идея — власть: над приро-
дой, над человеческим коллективом, над каждым человеком в
отдельности, и его логический апофеоз — тоталитаризм. Те-
перь все эти соображения лежат на поверхности, но они были
вовсе не очевидны в двадцатые и тридцатые годы, и можно
только удивляться тому, в какой мере Хеласевич предвосхитил
будущее.

Общая идея прогресса имеет своей проекцией в сфере
искусства идею новаторства. Исследовательский модернист
всегда является поборником прогресса. Новаторство не погра-
живает сущностной новизны и не имеет ничего общего с тво-
рческим участием человека в возобновлении Божественного
творения. Оно интересуется методами и приемами; оно конст-
руирует, а не творит. Его цель — шок, а не катарсис, вуль-
гарное удивление оно противопоставляет в о с е х д е -
и и в в его настоящем смысле, т.е. восхищению д у ш и.
Сам термин новаторство, конструктивистский по форме, знаме-
нует, если отталкиваться от духовной первоосновы, деструк-
тивную эстетику.

Модернисты всегда, сознательно или бессознательно,
исходят из бакунинского автоаналогического тезиса:
страсть к разрушению есть страсть созидательная. Но на по-
верку выходит, что эта истина локальна и применима лишь к
редким и коротким эпохам общественной экзальтации, когда
все слои населения и все роды деятельности проникнуты жа-
ждой диньки. Если культурные и духовные основы общества не-
прочны, эта жажда оборачивается катастрофой. Так или ина-
че, но эпоха обновления сменяется долгими десятилетиями
застоя, и тогда мы с удивлением видим, что модернизм и ар-
хаизм меняются в нашем сознании местами. Хеласевич, кото-
рый уже в двадцатые годы был архаичен в глазах представите-
лей в о с е х современных ему школ, является к нам оттуда
чуть не в полном одиночестве — как наш полноправный совре-
менник.

Его архивом был вполне сознательным и возрастах от книги к книге — вплоть до "Тяжелой Леры", где достиг реальности, пожалуй, даже излишней. Таков был его протест против футуризма и прочих индустристических течений в поэзии. Но протест не может быть основным содержанием творчества, настоящее искусство всегда позитивно. И Ходасевич знал это. Его последняя книга стихов, "Европейская Ночь", лишена малейшего намёка на дакум би то ни было нарочитость.

Простота его последних стихов поистине удивительна.

Г р а м м о ф о н

Ребенок спал, похула граммофон
Все напиралося Травнатор.
Пол вопль и скрип какой дурманной сон
Вонзался в мозг его развратный!
Внезапно мать мембрану подняла —
Сон кончился, дитя проснулось,
Оно кричит. Из темного угла
Вся тишина в него метнулась.
О, неких бедных лун не потрясай
Твоею тишиной грезной!
Мы молимся. — Ты сна не прерывай
Для вечной ночи, слишком звездной.

1928

Поэт говорит о пережитом с п о с л е д н я я п р я м о -
т о й, и в этом смелость, и эту смелость дает ему новиз-
на, состоящая в его мощной и неповторимой индивидуальности.
Лирический герой Ходасевича нов для русской поэзии, этим
и драгоценен. Новизна достигается без посредства новатор-
ства.

Важнейшая черта новаторства — коллективизм. Новатор
ищет широкого читателя, ищет в нем опору своим спекулятив-
ным выпадам, провоцирует его разделить авторскую ответст-
венность за произведение. С этой же целью он ищет привер-
женцев среди себе подобных — отсюда групповщина и тенлен-
циозность. И если помнить, что новаторство подразумевает
коллективную ответственность, то становится совершенно не-

нятной та легкость, с которой оно вырастает в тоталитарные структуры, иначе говоря: становится всецело путь от модернизма к конформизму. Эти две категории находятся в кровной, родственной связи.

Наоборот, сознательный отказ от новаторства, ориентация на вечные ценности подразумевает личную ответственность за все и за всех. Аудитория перестает быть важна, но в этом нет и тени пренебрежения к ней: художник ненавязчиво приглашает ее сделать усилие и стать уровнем с ним. Конформизм становится невозможен. Шеллевы живут полно, они — память человечества, и одновременно один из путей высвобождения от смянутых пут времени и пространства, путь приобщения к надвременной и надпространственной субстанции, квантом которой является душа. Выявление индивидуальности в творческом акте есть реализация души, порыв к духовному, и он больше способствует человеческой общности, чем любые материальные обобществления.

За всем этим вырисовывается основной предлагаемый тезис. — Если новаторство по своей сути антигуманитарно, то п а с с и з м, через свою логическую связку — индивидуализм, наоборот, неизбежно гуманитерен.

Но уже одно то, что мы решили вспомнить Ходасевича и, значит, не во всем согласны с теми, кто сбрасывает его с корабля современности, делает нас в той или иной степени пассажирами и намечает наше посильное участие в возрождении гуманизма.

В л а д и с л а в Х о д а с е в и ч

СОБРАНИЕ СТИХОВ

в двух томах

Редакция и примечания Юрия Кожера

/проект издания/

За настоящим изданием предполагается сохранить название итогового сборника В.Ф.Ходасевича, выпущенного поэтом в 1927 году в Париже, и затем /посмертно, с важными дополнениями и примечаниями/ переизданного Н.Н.Берберовой в 1961 году в Мюнхене. Оба упомянутых выпуска давно сделались библиографической редкостью. Двухтомник будет существенно отличаться от них полнотой. В него войдут все стихи, включенные в пять прижизненных книг поэта, в частности, книги Молодость и Счастливый Домик, отсутствующие в авторском издании Собрания; стихотворения и наброски, добавленные Н.Н.Берберовой в издание 1961 года, а также два незаконченных фрагмента из ее автобиографии; стихотворения 1905-1922 годов, рассеянные в периодических изданиях и не входившие в сборники; наконец, избранные переводы: из польских, еврейских, армянских /и, возможно, латинских и финских/ поэтов. Большинство стихотворений мы предполагаем снабдить примечаниями, в основу которых будут положены рецензии Н.Гумилева, В.Брюсова, В.Гюффана, В.Тынянова, Г.Чукова, И.Губера, Г.Адамовича, Г.Еванова и многих других критиков поэта, затем его заметки, воспоминания и письма современников. Авторские примечания к оригинальным стихам и переводам и примечания Н.Н.Берберовой будут воспроизведены полностью. Двухтомник будет иметь следующую композицию:

Т о м 1

М о л о д о с т ь

/по изданию 1908; 35 стихотворений/

С ч а с т л и в ы й Д о м и к

/по изданию 1922; 36 стихотворений/

П у т е м З е р н а

/по изданию 1927; 34 стихотворения/

Т я ж е л а я Л и р а

/по изданию 1927; 47 стихотворений/

Д о п о л н е н и я

/9 стихотворений, исключенных из Путем Зерна издания 1922;

3 стихотворения, исключенных из Тяжелой Лиры издания 1922/

П р и м е ч а н и я

Т о м II

Е в р о п е й с к а я Н о ч ь

/по изданию 1927; 29 стихотворений/

Д о п о л н е н и я

/по изданию 1961; различные стихи из периодики и писем; стихотворные фрагменты из прозаических текстов; всего более 20 стихотворений/

П е р е в о д ы

Очерк жизни и творчества В.Ф. Ходасевича

/по статье В.Колкера А д е с с к а я п р о х л а д а, переработанной и дополненной/

С о с т а в и п р и н ц и п ы и з д а н и я

П р и м е ч а н и я

Основные даты жизни и творчества В.Ф. Ходасевича

Алфавитный указатель стихотворений

Библиография

/в настоящее время содержит 62 наименования/

Объем первого тома - 164 стихотворения. Сверка текстов закончена. Второй том нуждается в доработке /разделы: Дополнения и Переводы/, которая может быть завершена в течение года.